

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183679-693>

Кальбизаде Эльнур Хашим

к.и.н., заведующий отделом кавказской политики

Институт кавказоведения НАНА, Баку, Азербайджан

kelbizadeh@gmail.com

ПРАГМАТИЗМ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА И ОТНОШЕНИЯХ С АРМЕНИЕЙ

Аннотация. Южный Кавказ стал одним из важных направлений внешней политики Ирана после 1991 года. Иран внимательно интересуется процессами, происходящими в регионе, так как связан со странами региона историческими узами, добрососедскими отношениями и общими интересами безопасности. В первые годы после восстановления независимости странами региона аналитики предсказывали, что Иран сможет наладить более тесные связи с Азербайджаном на Южном Кавказе. Такие прогнозы основывались на том, что Исламская Республика Иран является мусульманским государством и предпочтет идеологический подход во внешней политике. Однако вскоре стало ясно, что внешняя политика оппозиции претерпевает трансформацию. Во внешней политике страны проявились элементы перехода от идеализма к прагматизму. Вопреки ожиданиям, отношения Ирана с христианской Арменией стали развиваться активнее, чем с мусульманским Азербайджаном. В статье рассматривается место прагматизма во внешней политике Ирана в контексте отношений с Арменией. В статье делается вывод, что хотя концептуальные основы внешней политики Ирана определяются принципами идеализма, в отношениях с Арменией они носят прагматичный характер. Исследовав политику Ирана на Кавказе с 90-х гг. XX века, можно прийти к выводу, что политика этих лет была во многом не идеологической, а реалистичной и прагматической. Годы объявления независимости кавказскими государствами, в том числе Арменией, совпали с этапом отхода Ирана от идеологического подхода во внешней политике. В этот период новая региональная внешняя политика Ирана, ввиду протекающих геополитических процессов, исходила исключительно из национальных интересов, и распространение революции уже не было абсолютным приоритетом.

Ключевые слова: прагматизм; идеализм; идеологическое государство; Иран; Армения; Южный Кавказ; политика.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183679-693>

Elnur H. Kelbizadeh

Cand. Sci. (History), Head of Department of Caucasus Policy

Institute of Caucasus Studies of ANAS, Baku, Azerbaijan

kelbizadeh@gmail.com

PRAGMATISM IN IRAN'S FOREIGN POLICY AND RELATIONS WITH ARMENIA

Abstract. The South Caucasus region has been one of the key directions of Iran's foreign policy since 1991. Iran is closely interested in the processes that take place in the region, as it has historical ties, neighborly relations and common security interests. In the first years after the countries of the region regained their independence, analysts predicted that Iran would be able to establish closer ties with Azerbaijan in the South Caucasus. Such predictions were based on the fact that the Islamic Republic of Iran is a Muslim state and prefers an ideological approach to foreign policy. However, it soon became clear that Iran's foreign policy is undergoing a transformation. There are elements of the transition from idealism to pragmatism in the country's foreign policy. Contrary to expectations, Iran's relations with Christian Armenia began to develop better than with Muslim Azerbaijan. The article examines the place of pragmatism in the foreign policy of Iran in the context of relations with Armenia. At the same time, it analyzes the effectiveness of the idealist approach in the foreign policy of Armenia, as a secular state. The article suggests that, although the conceptual foundations of Iran's foreign policy are defined by the principles of idealism, they are pragmatic in their relations with Armenia. If we look at the Iran's policy on the Caucasus since the 1990s, we can conclude that this policy was largely realistic and pragmatic, rather than ideological. In fact, the years when the Caucasus states, including Armenia, regained their independence coincided with Iran's withdrawal from an ideological approach to foreign policy. At that time, Iran's new regional foreign policy was based solely on national interests due to the ongoing geopolitical processes, and the expansion of the revolution was no longer a priority.

Keywords: pragmatism; idealism; ideological state; Iran; Armenia; South Caucasus; policy.

Введение

В современную эпоху Иран, играющий роль регионального силового центра, со своеобразными особенностями геополитики на Ближнем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии, наряду со своей богатой культурой, устоявшимися государственными традициями, обширной и горной территорией, богатыми природными ресурсами, известен также и своей глубокой исторической памятью во внешней политике. Армения же, являясь одним из его северных соседей, представляет собой небольшую южнокавказскую республику совершенно другой структуры. В отношении обоих государств к религии достаточно различий. Полностью разнятся также системы верования населения. Преобладающее большинство иранского населения принадлежит к шиитскому течению ислама. После Исламской революции 1979 г. политический строй страны регламентируется шиитским духовенством в рамках шиитской системы права. Население Армении исповедует григорианство – особое национальное течение христианства. Иран, превратившийся в идеологическое государство, после Исламской революции 1979 года выдвинул на передний план идеологические принципы и во внешней политике и закрепил это различными официальными законодательными документами. Внешняя политика Ирана в отношении ближневосточных мусульманских стран не имеет достаточно идеологический характер. Какие же принципы преобладают в южнокавказской политике Ирана, в том числе в отношениях с Арменией: идеологический подход или прагматизм? Как налаживаются ирано-армянские отношения, если за основу принимаются идеологические принципы? Если армянская политика Ирана прагматична, что движет этим?

Концепция и методология

В ходе исследования за основу в качестве теоретического подхода принят прагматизм. Как известно, применение прагматического мышления в исследовании международных отношений усилилось, в основном начиная с 90-х гг. XX в. [1, с. 328–330; 2, с. 7–16; 3, с. 23–25]. Подход прагматистов к международным отношениям в целом исходит из фундаментальных принципов философии прагматизма. Для прагматиков эпистемология — вопрос о том, откуда мы знаем — основана на практике, на опыте. Знание есть действие, а качество знания заключается в его последствиях [4]. В этом отношении прагматический подход также и в международных отношениях акцентирует внимание больше не на содержимом идеологий и политических призывов государств, а на практических итогах их внешнеполитических механизмов.

Для ответа на главный вопрос настоящего исследования проведен контентный анализ внешнеполитических концепций, различных документов,

принятых по внешней политике Ираном и Арменией, далее же проведена проверка результатов контентного анализа на практическом уровне межгосударственных отношений.

Основные институты, определяющие внешнюю политику Ирана

Для понимания степени влияния идеологических принципов на внешнюю политику Исламской Республики Иран, определения моментов замены идеалистического подхода прагматическими принципами, необходимо разъяснить механизмы, определяющие и осуществляющие ее внешнюю политику. Известно, что у ИРИ своеобразная система правления. В стране, управляемой через политические и религиозные структуры, религиозно-клерикальные круги преобладают над политическим управлением [5, с. 55]. Самой высокопоставленной личностью страны является Верховный духовный лидер. В статье 5-ой Конституции страны говорится, что *«Во время отсутствия Имама Замана (мир ему)¹ в Исламской Республике Иран главенство над уммой и управление делами общества возлагается на справедливого, набожного, обладающего широким кругозором, смелого и предусмотрительного, имеющего организаторские способности факиха...»* [6].

В статье 57-й же Конституции ИРИ говорится, что государственные органы власти страны (законодательная, исполнительная и судебная власти) находятся под контролем вelayat-e факиха (Верховного Духовного Лидера – Э.К.). Таким образом, вelayat-e факих является заверителем законности других структур в Исламской Республике, последней инстанцией принятия решений [7, с. 1–20].

Верховный духовный лидер, избранный Меджлисом Хубреган, возглавляет Верховный религиозный совет страны, и считается главнокомандующим Вооруженных сил и Корпуса стражей Исламской Революции. Он контролирует органы специальной службы, обладает правом объявлять войну, назначать руководителей судебной системы, руководителей государственного радио и телевидения. Такой механизм контроля над государственным аппаратом и стратегическим сферами обеспечивает Верховному духовному лидеру право основного и решающего голоса в вопросах внешней политики.

Согласно основному закону Ирана, президент, избранный путем прямых общенациональных выборов, обладает меньшим влиянием и полномочиями, чем Верховный духовный лидер.

Несмотря на то, что право назначать главу Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ), отвечающего за фундаментальные принципы иностранных дел и внешней политики страны, принадлежит Президенту, Совет подчиняется Верховному духовному лидеру. Верховный лидер вправе

1 «Сокрывшийся» 12-ый имам шиитского течения ислама, явление которого ожидается его последователями.

накладывать вето на решения, принятые Советом, или предлагать альтернативные варианты. Помимо ВСНБ, в реализации внешней политики Ирана участвуют и другие государственные и силовые структуры.

Парламент, который ратифицирует (или не ратифицирует) международные договоры и соглашения, играет существенную роль во внешней политике. Решения Меджлиса могут быть оспорены Советом стражей Исламской Революции, представленным шестью консервативно настроенными юристами и шестью религиозными деятелями (назначенными Верховным духовным лидером). Совет имеет право накладывать вето на законы и иные решения парламента.

Другой уполномоченный орган – Консультативный совет – играет ведущую роль в спорах между парламентом и Корпусом стражей Исламской Революции. В последние годы полномочия Консультативного совета значительно расширились.

Еще одним из важных органов в этой сфере считается также Корпус стражей Исламской Революции (КСИР). Корпус активно действует в сфере бизнеса, производства и торговли вооружениями, занимается разведкой, кроме того, поддерживает контакты с иностранными структурами, как ливанская «Хезболла» и некоторые шиитские организации в Ираке. Корпусом руководят люди, весьма далекие от либеральных идей, — это религиозные консерваторы, назначенные на свои посты на основании двух главных критериев – личной преданности Верховному лидеру и организаторских способностей. В таких условиях внешняя политика Ирана часто выглядит весьма противоречиво, поскольку ее организаторы периодически не способны прийти к компромиссу [8, с. 169].

Главные принципы внешней политики Ирана и механизмы их реализации

Согласно Конституции Исламской Республики Иран, внешняя политика страны зиждется на четырех основных принципах:

- отрицании всех форм внешнего господства;
- сохранение независимости и территориальной целостности;
- защита прав всех мусульман без принятия союза с гегемонистскими державами;
- поддержание мирных взаимоотношений со всеми невоюющими государствами.

После Исламской революции 1979 года внешняя политика ИРИ характеризовалась в официальной концепции как «ни Восток, ни Запад, только Исламская Республика». Одной из основ внешней политики Ирана является распространение исламо-шиитской идеологии в мире, в частности в мусульманских странах. В одном из заявлений касательно экспорта исламской революции Лидер революции Аятолла Рухолла Хомейни сказал: «Исламская религия

пришла, чтобы объединить, интегрировать все нации, будь то турки, арабы, аджемы, персы, и создать в мире единую общину под названием «Исламская умма». Мусульмане – великая община, поэтому сверхдержавы и их пособники своими уловками пытаются разлучить братьев-мусульман и сделать их врагами» [9, с. 245].

В преамбуле Конституции Ирана экспорт революции определен как основная доктрина государства, основными задачами объявлены обеспечение продолжительности Исламской революции внутри страны и за ее пределами, и поддержка исламского движения в международных отношениях. В преамбуле Основного Закона говорится: «Опираясь на Исламское содержимое Иранской революции, ее направленность, как движения, на победу угнетенных над угнетателями, Конституция создает необходимые условия для обеспечения продолжения революции в стране и за ее пределами. В частности, в развитии международных отношений Конституция стремится заложить основу для образования единой мировой уммы с другими исламскими и народными движениями, способствовать усилению борьбы за спасение угнетенных народов во всем мире» [10].

Такие призывы, разумеется, носят идеологический характер, и, учитывая 43-летний исторический путь Исламской Республики, реализовать их, по крайней мере, в ближайшей и среднесрочной перспективе, невозможно. Так считают и некоторые иранские исследователи, называя ряд поставленных во внешней политике страны целей утопическими. По мнению Абульфазла Бозчеллоуи, ввиду противоречивости характера и утопичности целей, внешнеполитический курс его страны хоть и достигает временных успехов в краткосрочные периоды, однако, в стратегическом плане всегда сталкивается с неудачами [11, с. 20].

Под экспортом исламской революции здесь подразумевается революция, опирающаяся на основные принципы шиитского течения. Иранский автор Кайхан Барзегар пишет, что революция стала поворотной точкой в усилении роли шиитского фактора в регулировании внешней политики Ирана, воодушевила шиитов выразить свою истинную идентичность и познакомить мир со своей сущностью: «Движущей силой новой инициативы Ирана были шиитские группировки, не допускаемые к политике своих стран суннитскими правящими элитами, воспринимающими Исламскую революцию как Шиитскую» [12].

Турецкие исследователи Серкан Тафлыоглы и Хикмет Эрдогду, касаясь вопроса религии во внешней политике Ирана, единогласны в том, что «в действительности, не Иран служит религии, а наоборот, религия – Ирану» [9, с. 268]. Х. Эрдогду в связи с этим пишет: «Социальные и экономические связи, налаженные Ираном с Индией, несмотря на Кашмирский конфликт, с Арменией, несмотря на оккупацию территории Нагорного Карабаха, и с Советским Союзом, несмотря на оккупацию Афганистана, открыто демонстрируют, что внешняя политика Ирана не имеет религиозный характер, а нацелена

на извлечение собственной выгоды» [9, с. 268]. Другой исследователь Барыш Достер отмечает, что на фоне радикальных призывов, идеологического подхода и религиозной окраски внешней политики Ирана, иранская дипломатия прагматична и способна хорошо использовать сложившуюся ситуацию [13, с. 46].

Внешняя политика Ирана: реалисты, идеалисты, прагматики и реформаторы

В период после 1979 г. в вопросах внешней политики в Исламской Республике Иран было 4 теоретических подхода: реалистический, идеологический, прагматический и реформаторский [14, с. 199]. Реалистический курс был взят сразу после революции премьер-министром временного правительства Мехди Базарганом и продолжался до захвата посольства Соединенных Штатов Америки в Тегеране. В этот период национальные интересы были главным приоритетным направлением внешней политики Исламской Республики Иран, тогда как религиозные интересы были относительно второстепенны. Такой подход привел к разногласиям между Базарганом и Рухоллой Хомейни. Правительство Базаргана стремилось уважать международное право и, воздерживаясь от политики вмешательства, улучшать отношения с другими странами, в частности с США. Временное правительство не имело четкой внешнеполитической стратегии, и этот курс не принимал лозунг Рухоллы Хомейни «Ни Восток, ни Запад». Стремясь наладить отношения с США, временное правительство выступило против захвата посольства США студентами иранских университетов, однако поддержка действий студентов Рухоллой Хомейни вынудила правительство Базаргана уйти в отставку.

Первый президент Ирана Абу аль-Хасан Бениссадр также выступал с примирительно-либеральной позицией и был сторонником более мягкой внешней политики. Он стремился установить дружеские отношения с Соединенными Штатами охотнее, чем Мехди Базарган. Такая позиция в отношении США обернулась обвинениями в предательстве революции и стала причиной его бегства из Ирана.

В 1981-1989 гг. во внешней политике преобладал идеологический (религиозный) подход. Его сторонники считали, что внешняя политика должна основываться на принципах ислама и концепции шиизма. Другими словами, приверженцы такого подхода подразумевали подведение всех решений и действий политиков под идеологические ценности. Таким образом, Исламская Республика Иран пыталась игнорировать укоренившиеся правила международной системы и заменить принятые до сих пор закономерности заявленными ИРИ исламскими нормами. Сторонники идеалистического подхода надеялись, что Иран сможет распространить идею исламской революции на соседние страны региона, следствием чего станут аналогичные революции в этих странах. Иначе говоря, сторонники идеологического подхода выступали за

интервенционистский подход к другим странам региона. Именно вследствие этой политики враждебность между Исламской Республикой Иран и странами Персидского залива достигла своего пика. Указанный период фактически ознаменовался как эпоха серьезных политических противостояний (как в двусторонних отношениях, так и в международных организациях) и вооруженных конфликтов между странами региона Персидского залива.

В 80-е гг. XX в. регион Персидского залива в политическом отношении был разделен на два фронта. На одной стороне стоял Иран, а на другой – Ирак, Саудовская Аравия и Кувейт. В этот период лидеры мусульманских стран региона открыто обвинялись в сотрудничестве с Западом, а Иран поддерживал оппозиционные движения в мусульманских странах. В то время, когда хорошие отношения устанавливались больше с организациями, чем с государствами, и главной целью было объявлено «последнее спасение угнетенных мира», Иран находился в проблемных отношениях не только с мусульманскими странами региона, но и с Западом. В частности, обостряло ситуацию заявление о нелегитимности государства Израиль, вынесение религиозных фетв против граждан разных стран. Это стало причиной отзыва некоторыми европейскими странами своих послов и дипломатических представителей из Ирана. Однако руководство Исламской Республики считало, что изоляция полезна и необходима для полной независимости. Иран, изначально противившийся призывам ООН к прекращению восьмилетней ирано-иракской войны, наконец, в августе 1988 г. подписал договор о прекращении огня, который Хомейни сравнил с «питьем яда». Это соглашение можно было рассматривать как один из первых признаков стремления Ирана наладить отношения с международными организациями и государствами. Примерно через год после прекращения огня, в июне 1989 г. скончался Имам Хомейни. Началась новая эпоха во внешней политике Ирана – Али Хаменеи стал верховным лидером, а бывший председатель парламента Али Акбар Хашеми Рафсанджани был избран президентом [15, с. 263].

Таким образом, начался новый этап во внешней политике Ирана – период прагматического внешнеполитического курса, охвативший 1989-1997 гг. Х. Рафсанджани и приверженцы прагматического политического курса хорошо понимали, что экономические условия в поствоенный период обуславливают проведение экономических реформ. Главным условием же для этого принималась адаптация Исламской Республики Иран к международным реалиям. Так, Иран заявил, что будет уважать международные законы и организации. В период 8-летнего президентства Хашеми Рафсанджани внешняя политика Ирана была построена на геополитических интересах, а идеологический подход имел второстепенное значение.

В годы президентства Мохаммада Хатами (1997–2005) произошел переход от прагматизма к более совершенному реформаторскому прагматизму. Хатами провел ряд внутренних реформ. До этого периода были внесены изменения в ряд вопросов, используемых международной системой в качестве рычага давления на Иран, включая такие вопросы как построение гражданского общества,

свобода слова, верховенство закона и плюрализм. Расширение линии диалога и мирного сосуществования с другими странами, повысило авторитет Ирана на международной арене. Хатами выдвинул концепцию «диалога цивилизаций», которая стала действенным фактором во внешней политике [16, с. 61]. Концепция диалога цивилизаций включала в себя новые оценки политики [17, с. 84]. Такие изменения вызвали необходимость новых подходов в Иране, долгие годы проводившем антиглобалистскую политику. Вместе с тем это также встретило определенное сопротивление консервативной прослойки.

После 2005 г. Иран вернулся к идеологическому подходу во внешней политике. Однако, в отличие от 1981-1989 гг. на этом этапе на первом плане стоял не религиозно-идеологический подход, а национально-идеологический подход. В этот период одним из главных направлений внешней политики Исламской Республики Иран стало расширение сотрудничества со слаборазвитыми регионами мира. Особое место среди них занимали Африка и Южная Америка. Внедрение резкого идеологического курса во внешнюю политику вновь ввергло Исламскую Республику Иран в тиски экономических вихрей.

Именно поэтому Хасан Роухани, пришедший к власти в 2013 г., во внешнеполитических вопросах отдавал предпочтение прагматическому курсу. Действующий президент Ирана Ибрагим Раиси является сторонником консервативного подхода. Однако процессы, протекающие в мире, последствия COVID-19, экономические и социальные потрясения вновь поставили во главу угла вопрос эффективности консервативного подхода.

Сторонники всех четырех вышеперечисленных теорий присутствуют во внешней политике Ирана и сегодня. При этом следует отметить, что, несмотря на изменение теоретических подходов и тактических ходов во внешнеполитическом курсе Исламской Республики Иран, стратегические и концептуальные изменения происходят крайне редко. Стратегические и концептуальные основы внешней политики определяет и контролирует Верховный духовный лидер страны, а теоретические подходы и тактические ходы напрямую зависят от позиции президента, а также процессов, протекающих на международной арене.

Идеалистическое государство и несоответствия в практической политике

Опираясь на выдвинутую Исламской Республикой Иран модель революции, можно предположить, что концептуальные основы внешней политики этой страны должны определяться согласно исламским нормам и Священному Корану. В таком случае отношения с мусульманскими странами должны однозначно составлять приоритет. Христианские государства же должны рассматриваться с призмы отношения Священного Корана к «людям Писания». Такой же подход необходимо демонстрировать и в отношении еврейского государства. Страны же, принявшие атеизм своей официальной идеологией, или

в которых доминируют политеистические религии, согласно этой концепции, должны оказаться на самой низкой ступени. Каков в действительности подход четырех вышеперечисленных внешнеполитических теорий к христианским государствам?

Если принять во внимание взгляды приверженцев реалистического и прагматического подхода, на первом плане должны стоять интересы иранского государства, и должна преобладать не какая-либо религиозная концепция, а вопросы адаптации к условиям международной системы. Сторонники такого подхода рассматривают христианские государства, если можно так сказать, как страны, сотрудничество с которыми возможно и необходимо. Учитывая, что для приверженцев религиозно-идеологического подхода основой является идеология шиитского ислама и его экспорт, позиция в отношении христианских государств несколько иная. Христианские государства, открыто и тайно противодействующие распространению ислама (во многих случаях шиитского течения), считаются врагами. Со странами же, не практикующими такую деятельность, определенное сотрудничество возможно.

Исследования показывают, что какими бы идеологическими и религиозными призывами не выделялся Иран, в действительности во внешней политике ему присуща прагматичность и быстрая адаптация к конъюнктуре [13, с. 46]. Несмотря на то, что Исламская Республика Иран, называет Израиль «Малым Сатаной», а Соединенные Штаты Америки, большинство населения которых составляют протестанты, «Великим Сатаной» [18, с. 26], связи с главным представителем ортодоксального христианства (православия) в современном мире – с Российской Федерацией у Ирана на самом высоком уровне. Политические круги обеих стран продолжают демонстрировать заинтересованность в развитии двусторонних отношений и подтверждать общие геополитические интересы [19, с. 43]. Отношения Исламской Республики Иран с Россией, безусловно, влияют на ее отношения с Арменией. Так, немаловажно влияние России в оказании значительной помощи Армении со стороны Исламской Республики. Примечательно, что отношения Ирана с мусульманской Саудовской Аравией сравнительно слабее, чем с Китаем, поддерживаемым атеизмом на государственном уровне.

Прагматизм и Армения в южнокавказской политике Ирана

Во внешней политике Ирана Кавказ был определен как понятие «безопасность». Одной из главных причин формирования интересов Ирана на Кавказе является роль, которую Кавказ сыграл в истории Ирана. Самой большой угрозой в регионе, которая беспокоит определенные круги Ирана, является усиление тюркского присутствия и помимо независимости Азербайджанской Республики, расширение ее связей с тюркским миром. Исследования подтверждают,

что армянская диаспора в этой стране пытается оказать серьезное влияние на формирование политики Исламской Республики Иран на Кавказе. На современном этапе цели внешней политики Ирана на Кавказе можно обобщить следующим образом:

- обеспечение безопасности границ;
- защита территориальной целостности;
- предотвращение угроз национальному единству и внутренней стабильности;
- достижение развития экономических связей со странами региона.

Исследуя политику Ирана на Кавказе с 90-х гг. XX в., можно прийти к выводу, что политика этих лет была во многом не идеологической, а реалистичной и прагматической. Годы объявления независимости кавказскими государствами, в том числе Арменией, совпали с этапом отхода Ирана от идеологического подхода во внешней политике. В этот период, новая региональная внешняя политика Ирана, ввиду протекающих геополитических процессов, исходила исключительно из национальных интересов, и распространение революции уже не было абсолютным приоритетом. Советник одного из бывших президентов Армении Жирайр Липаритян, оценивая региональную внешнюю политику Ирана, говорил: *«Азербайджан и Турция ожидали, что Иран, преобладающее большинство населения которого составляют мусульмане и шииты, поддержит Азербайджан. При этом Иран действовал исходя из своих региональных интересов»* [20].

Единственным христианским соседом Ирана является Армения. Изучение в этой связи взглядов на христианские государства во внешнеполитической концепции Исламской Республики Иран и сравнение взаимоотношений с Арменией позволяет лучше понять характер двусторонних отношений.

Дипломатические связи между Ираном и Арменией были установлены после официального признания Исламской Республикой Иран государственной независимости Республики Армения. 9 февраля 1992 г. в Тегеране между Арменией и Ираном была подписана декларация о создании дипломатических связей [21, с. 127]. В тот же день были заявлены принципы и цели связей между Арменией и Ираном. В апреле 1992 г. было официально открыто иранское посольство в Ереване и в декабре 1992 г. состоялось открытие в Тегеране армянского посольства. Были подписаны свыше 200 документов между двумя странами за 1992-2022 гг.

После распада СССР Исламская Республика Иран во внешнеполитическом курсе начала сближение с Арменией. Иран является важным стратегическим партнером для Армении во внешней политике, в первую очередь для защиты своего положения на международной арене. Существуют политические, экономические факторы и вопрос безопасности, сформировавшие отношения между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран. После распада СССР Иран был заинтересован в укреплении своих позиций на Южном Кавказе, Армения, в свою очередь, с целью защиты политического существования в регионе, пыталась получить поддержку Ирана наряду с Россией.

При содействии Ирана Армения использует его порты, железнодорожные и автомагистральные линии как транзит в перевозке своих продуктов, надеется на установление связей с Европой и экспорт ресурсов по линии Армения-Грузия. Предоставляя доступ к морям Армении, Исламская Республика Иран также создает условия для создания отношений Армении со странами Азии, что является очередным фактором для сближения обеих сторон.

Сегодня армянам, проживающим в Иране, предоставляются те же льготы, что и иранским гражданам. Что касается интересов Исламской Республики Иран относительно армянской диаспоры, то надо отметить, что некоторые круги Ирана заинтересованы в их активной деятельности так как здешние армяне имеют торговые связи со странами Запада [22, с. 1084–1088]. Наряду с этим, они сотрудничают со странами Запада в области искусства, культуры, политики, торговли и тем самым создают предпосылки для выхода Ирана на Запад. Иранские армяне как прямо, так и опосредованно влияют на отношения Турции и Ирана. За прошедший период армянская диаспора сыграла важную роль в усилении отношений между двумя государствами в области политики, экономики, культуры и науки.

Анализируя отношения Исламской Республики Иран и Республики Армения за 30 лет, становится очевидным что, если не учитывать некоторые исключения, строгих концептуальных изменений не произошло. Республике Армения нужна Исламская Республика Иран для того заручиться поддержкой мусульманских стран и избавиться от экономических трудностей. Исламская Республика Иран для того, чтобы снять ограничения и санкции западных государств использует Республику Армению и влияние армянского лобби, в то же время расширяет с ней связи для воспрепятствования усилению таких стран, как США и Израиль в Армении.

В 1991–1997 гг. Армения с целью формирования положительного имиджа на международной арене выдвигала на передний план отношения с исламским государством Иран. После приобретения независимости Армения предпринимала попытки установить отношения с Ираном во всех сферах. В итоге было создано плодотворное сотрудничество в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, науки, образования, культуры и межрегионального участия. Со времени создания дипломатических связей две страны осуществили ряд программ в разных направлениях. Среди них сооружение в 1996 г. моста через реку Араз, связывающего Армению с Ираном, тепловые электрические станции на переходе Пушкин, которые были сданы в эксплуатацию в 2005 г., строительство автомагистрали Мегри-Шванидзор-Цав-Дараван, завершённое в октябре 2007 г. Открытие первой части газопровода Иран-Армения состоялось в 2007 г. [23, с. 74; 24]. Строительство второй части газопровода завершилось в ноябре 2008 г.

В 1998–2008 гг. геополитические процессы обусловили расширение связей между двумя государствами, отстранение обеих стран от крупномасштабных проектов, осуществляемых в регионе, потребовало выполнения альтернативных

проектов этими государствами, усиление влияния России над Арменией отразилось на отношениях Ирана и Армении.

В 2008–2018 гг., в отличие от периодов правления Левона Тер Петросяна и Роберта Кочаряна, отношения не развивались по восходящей линии. В годы правления Сержа Саргсяна самым успешным годом в развитии политических отношений между двумя странами стал 2011 г., 2012 и 2014-е гг. вошли в историю отношений между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран как периоды небольших кризисов. Несмотря на все эти перечисленные факторы, в годы правления С. Саргсяна торговый оборот между двумя странами развивался по восходящей линии, был подписан ряд документов о сотрудничестве в области экономики и культуры.

Отношения между двумя государствами после 2018 г., показывает, что пытаются представить себя лидером, более поддерживаемым США и европейскими странами, Никол Пашинян изначально выступал с отрицательной и пренебрежительной позицией в отношении Исламской Республике Иран.

Армения и Иран на протяжении многих лет выступают из общих интересов и совместно используют тактические возможности и в отношении Азербайджанской Республики. Отношения между Армянской Республикой и Исламской Республикой Иран развивались в условиях сотрудничества в сферах науки, культуры, спорта, охраны природы, здравоохранения, сельского хозяйства, образования. Армения, находясь в региональной изоляции, получает основную поддержку в научной, гуманитарной, туристической области от Исламской Республики Иран. Несмотря на сложности, связанные с санкциями, направленными на экономику Ирана, а также ввиду интересов Европейского Совета на Южном Кавказе Иран активизирует сотрудничество с Арменией.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. В первую очередь, становится очевидным, что Иран, будучи теократической республикой по своему государственному устройству, которая с момента своего основания провозгласила государственный строй, основанный на шиитской идеологии ислама, предпочитает в кавказской политике прагматизм. Во внешней политике на южнокавказском направлении все политические силы Ирана (и реалисты, и идеалисты, и прагматики, и реформисты) опираются на принципы прагматизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adler E. Seizing the middle ground: Constructivism in world politics // *European Journal of International Relations*. 1997. № 3(3). pp. 319-363.
2. Puchala D. J. The pragmatics of international history // *Mershon International Studies Review*. 1995. № 39(1). pp. 1-18.
3. Smith S. Positivism and beyond // *International theory: Positivism and beyond* / Eds. S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. –Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 1996. pp. 11–44.
4. Franke U., Hellmann G. American Pragmatism in Foreign Policy Analysis [Internet]. –Oxford Research Encyclopedia of Politics -2022. [дата обращения: 18.01.2022]. Доступ по ссылке: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-356>.
5. Həmidov, S. Yaxın Şərqdə siyasi çevrilişlər və İran // *Strateji təhlil*. 2011. № 3. s. 45-60.
6. Qanun baxımından rəhbərlə tanışlıq [Internet]. –İİR Ali Dini Rəhbərinin İnformasiya Bloku –2010. [дата обращения: 06.12.2021]. Доступ по ссылке: www.leader.ir/az/law.
7. Koç M. İranda devlet yapısı ve temel kurumlar // I. Devrim rehberliği / Ed. M.Koç. Ankara: İRAM. 2017. 20 p.
8. Семедов С.А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе. М.: Экон-Информ. 2008. – 236 с.
9. Erdoğan H. Büyük Pers düşüncesinden Zülfikarın yumruğuna İran. İstanbul: İQ Kültür Sanat yayıncılık. 2008. – 815 s.
10. Constitution of IRI [Internet]. –The official site of İslamic Parliament of İran –2021. [дата обращения: 06.12.2021]. Доступ по ссылке: <https://en.parliran.ir/eng/en/Constitution#preamble>
11. Bozcelloui I. Ə. İran İslam Respublikasının xarici siyasətində ASEAN ölkələrinin yeri: siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru dis. avtoreferatı. Bakı, 2012. – 25 s..
12. Barzegar K. The Shia Factor in Iran's Foreign Policy [Internet]. –The site of İnstitute for Strategic Researches of İran. –2008. [дата обращения: 01.12.2021]. Доступ по ссылке: www.isrjournals.com/en/iran-foreign-policy/813-the-shia-factor-in-irans-foreign-policy.html.
13. Doster B. Bir Bölgesel Güç Olarak İran'ın Ortadoğu Politikası // Ankara: Ortadoğu Analiz. –Ağustos 2012. № (4) 44. ss. 44-51.

REFERENCES

1. Adler E. Seizing the middle ground: Constructivism in world politics. *European Journal of International Relations*. 1997, 3(3): 319-363.
2. Puchala DJ. The pragmatics of international history. *Mershon International Studies Review*. 1995, 39(1): 1-18.
3. Smith S. Positivism and beyond. In Smith S., Booth K., Zalewski M. (eds.). *International theory: Positivism and beyond*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 1996: 11-44.
4. Franke U, Hellmann G. American Pragmatism in Foreign Policy Analysis [Online source]. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2022. Available at: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-356>.
5. Həmidov S. Yaxın Şərqdə siyasi çevrilişlər və İran. *Strateji təhlil*. 2011, 3: 45-60. (In Azerbaijani).
6. *Qanun baxımından rəhbərlə tanışlıq* [Online source]. İİR Ali Dini Rəhbərinin İnformasiya Bloku. 2010. Available at: www.leader.ir/az/law. (In Azerbaijani).
7. Koç M. İranda devlet yapısı ve temel kurumlar. I. Devrim rehberliği. M.Koç (ed.). Ankara: İRAM, 2017. (In Turkish).
8. Samedov SA. *The current geopolitical situation in the Caucasus [Sovremennaya geopoliticheskaya situatsiya na Kavkaze]*. Moscow: Ekon-inform, 2008.
9. Erdoğan H. *Büyük Pers düşüncesinden Zülfikarın yumruğuna İran*. İstanbul: İQ Kültür Sanat yayıncılık, 2008. (In Turkish).
10. *Constitution of IRI* [Online source]. The official site of İslamic Parliament of İran, 2021. Available at: <https://en.parliran.ir/eng/en/Constitution#preamble>.
11. Bozcelloui I. Ə. *İran İslam Respublikasının xarici siyasətində ASEAN ölkələrinin yeri: siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru dis. avtoreferatı*. Bakı, 2012. (In Azerbaijani).
12. Barzegar K. The Shia Factor in Iran's Foreign Policy [Online source]. *The site of İnstitute for Strategic Researches of İran*, 2008. Available at: www.isrjournals.com/en/iran-foreign-policy/813-the-shia-factor-in-irans-foreign-policy.html.
13. Doster B. *Bir Bölgesel Güç Olarak İran'ın Ortadoğu Politikası*. Ankara: Ortadoğu Analiz. Ağustos. 2012, (4)44: 44-51. (In Turkish).

14. Soltani F. Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution // *Journal of Politics and Law*, –September 2010. № (3) 2. –pp. 199-206.
15. Keddie N.R. *Modern Iran. Roots and Results of Revolution*. London: Yale University Press, 2006. –408 p.
16. Iran's Foreign Policy From Khatami to Ahmadinejad / Eds. A.Ehteshami, M.Zweiri. -Lebanon: İthaca Press. 2008. – 149 p.
17. Həbibova Z.Z. Mədəniyyətlərərası və sivilizasiyalararası dialoq insan potensialının inkişafı kontekstində: Siyasi elmlər üzrə elmələr doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dis. Bakı, 2017. – 250 s.
18. Hersberg J. The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affairs : Missing Links? // *Cold War History*. 2003. Vol. 3. № 3. p. 26.
19. Dunaeva E. Russo-Iranian Political Relations in the First Decade of the Twenty-First Century // *Iranian Studies*. № (46) 3. pp. 443-469.
20. Naimi V. R. An Interview with Jirayr Libaridian: the Roots of Insecurity in Caucasus [Internet]. – Hamshari Diplomatic. – 2003. [дата обращения: 07.11.2021]. Доступ по ссылке: www.hamshahri.net/vejenam/diplo-ma/1382/821_006/page06.htm.
21. Куртов А. Ирано-армянские отношения с точки зрения России [Равабат-е Иран-Эрменистан аз дидгах-е Русија] // Журнал исследования Центральной Азия и Кавказ. 1998. № 22. С. 113–144 (На персидском).
22. Вализаде А., Ализаде Ш. Армянская Диаспора: возможности и ограничения для Ирана [Диаспорайи Эрмени: форсат-ха вэ тахдидхайе пиш руйи Иран] // Ежеквартальный журнал «Политика». 2015. № 4 (45). С. 1075–1094 (На персидском).
23. Незамабади М. Культурные отношения между Ираном и Арменией: возможности и потенциал [Ревабате фарханги Иран-о Эрменистан:терфитха ва потенсиялха] // Журнал Иранской ассоциации культурных исследований и коммуникации. 2016, № 144. С. 66-87. (На персидском).
24. Галстян А. Политические портреты Армении: Роберт Кочарян: [Internet]. –Yerkramas. -2013, [дата обращения: 01.12.2021]. Доступ по ссылке: URL: www.yerkramas.org/article/51814/politicheskie-portrety-armenii-robort-kocharyan.
14. Soltani F. Foreign Policy of Iran after Islamic Revolution. *Journal of Politics and Law*. 2010, (3)2: 199-206.
15. Keddie NR. *Modern Iran. Roots and Results of Revolution*. London: Yale University Press, 2006.
16. *Iran's Foreign Policy From Khatami to Ahmadinejad*. A. Ehteshami, M. Zweiri (eds.). Lebanon: İthaca Press, 2008.
17. Həbibova Z.Z. *Mədəniyyətlərərası və sivilizasiyalararası dialoq insan potensialının inkişafı kontekstində: Siyasi elmlər üzrə elmələr doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dis*. Bakı, 2017. (In Azerbaijani).
18. Hersberg J. *The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affairs: Missing Links? Cold War History*. 2003, 3(3): 26.
19. Dunaeva E. Russo-Iranian Political Relations in the First Decade of the Twenty-First Century. *Iranian Studies*. 46(3): 443-469.
20. Naimi VR. *An Interview with Jirayr Libaridian: the Roots of Insecurity in Caucasus*. Hamshari Diplomatic, 2003. Available from: www.hamshahri.net/vejenam/diplo-ma/1382/821_006/page06.htm.
21. Kurtov A. Iranian-Armenian relations from Russia's point of view [Ravabat-e İran-Ermenistan az didgah-e Rusiya]. *Journal of Central Asia and Caucasus Studies*. 1998, 22: 113-144. (In Persian).
22. Valizadeh A, Alizadeh Sh. Armenian Diaspora: Opportunities and Constraints for Iran [Di-asporyai Ermeni: foursat-ha ve tahdid-haye peş ruyin İran]. *Politics*. 2015, 4(45): 1075–1094. (In Persian).
23. Nezamabadi, M. Cultural relations between Iran and Armenia: opportunities and potential [Revabate farhangi İran-o Ermenistan: terfitha ve potensiyalha]. *Journal of the Iranian Association for Cultural Research and Communication*. 2016, 144: 66-87. (In Persian).
24. Galstyan A. *Political portraits of Armenia: Robert Kocharyan. Politicheskies portreti Armenii: Robert Kocaryan* [Online source]. Yerkramas, 2013. Available at: URL: www.yerkramas.org/article/51814/politicheskie-portrety-armenii-robort-kocharyan.

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.

Принята к публикации 08.08.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.